

восходит ли вверх и дух животных сходит ли вниз, в землю?» А то, что это ложь с точки зрения язычников, свидетельствует Овидий в первой книге «Метаморфоз», где он обсуждает верования некрещеных или язычников о сотворении мира: «И родился человек, – он не сказал „люди“: он сказал „родился“ и „человек“, – из Божьего ль семени сделал оный создатель его, как лучшего мира начало, иль молодая земля, разделенная с вышним эфиром только что, семя еще сохраняла родимого неба? Отпрыск Апета (то есть Прометея), ее замешав речною водою, сделал подобье богов, которые всем управляют». Овидий ясно говорит здесь, что первый человек был один. А потому в канцоне и значитя:

«Но с мыслию такой
Не соглашусь»,

а именно с мыслью о том, что у человека не было начала. И канцона добавляет:

«Поймите, нежеланны
Для христиан обманы...» –

и она говорит «христиане», а не «философы» или «язычники», [хотя] суждения их тоже [не] противоречат христианским, но говорит «христиане» потому, что суждение христиан имеет большую силу и сокрушает любую клевету благодаря горнему небесному свету, его озаряющему. Далее, когда я говорю: «...и домыслов смущающих туманы», я заключаю, что заблуждение их опровергнуто; после чего настало время взглянуть истине в глаза: «...скажу я в заключенье...» Итак, я утверждаю, что на основании сказанного всякому здоровому интеллекту очевидно, насколько слова этих людей пусты, то есть лишены зерна истины. И я говорю о здоровом не без причины. Ведь следует иметь в виду, что интеллект наш может называться и здоровым и больным: я говорю об интеллекте как о благородной части нашей души, каковую часть можно называть словом «ум». Здоровым можно считать его тогда, когда он не ограничен душевным или телесным недугом в своем действии, состоящем в познании сущности вещей, как утверждает Аристотель в третьей книге «О душе». В самом деле, что касается недугов душевных, я наблюдал три ужасные болезни в человеческих умах. Одна из них имеет своей причиной природную гордыню: действительно, многие настолько самонадеянны, что воображают себя всеведущими и недостоверные вещи выдают за достоверные; порок этот особенно ненавистен Туллию, который заклеил его в первой книге «Обязанностей», и Фоме – в его сочинении «Против язычников», где он говорит: «Многие настолько кичатся своим талантом, что воображают себя способными разумом своим измерить все вещи, полагая истинным все то, что им кажется, и ложным все то, что им не кажется». Из чего следует, что учености они никогда не достигают; считая же себя достаточно учеными, никогда ни о чем не спрашивают, никогда никого не слушают, требуют, чтобы спрашивали их, и, более того, когда расспросы окончены, отвечают невпопад. Из-за них-то Соломон и говорит в своей Книге Притчей: «Видал ли ты человека опрометчивого в словах своих? На глупого больше надежды, нежели на него». Причина другой болезни – в природной робости: правда, много людей настолько упрямых в своем самоуничижении, что не могут поверить, что они сами или через кого-нибудь могут что-либо узнать; и такие люди никогда сами не идут и не рассуждают и никогда не считаются с тем, что говорит другой. Против них-то и выступает Аристотель в первой книге «Этики», называя их неспособными слушателями нравственной философии. Они всегда живут как скоты, в своем грубом невежестве безнадежно отказавшись от всякой учености. Причина третьей болезни – природное легкомыслие: действительно, многие наделены такой легкостью воображения, что во всех своих рассуждениях всегда перескакивают и делают выводы, не успев построить силлогизм; от одного вывода они перепархивают к другому, полагая, что владеют тончайшей аргументацией; ни из какого принципа они не исходят и, питаясь воображением, ни в одной вещи истинной ее природы по-настоящему не замечают; философ утверждает, что с подобными людьми нельзя считаться и иметь дела, говоря в первой книге «Физики», что «не пристало спорить с теми, кто отрицает принципы». Среди этих невежд много таких чудаков, которые, не зная азбуки, готовы спорить о геометрии, астрологии и физике.

Ум может быть нездоровым и от телесного недуга или недостатка; либо от какого-нибудь